

БЕЗ КРАЯ

Бескрая

ХУТОРНАЯ ЕЛЕНА

16+

Елена Хуторная

Без края

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Хуторная Е.

Без края / Е. Хуторная — «ЛитРес: Самиздат», 2020

ISBN 978-5-532-04881-2

Хорошего может быть также бесконечно много, как и плохого, и герои книги стремятся реализовать эту идею, построив лучший мир для себя и всех, кто сможет в нем быть. Это родные души друг для друга, связанные многими совместными воплощениями, любовью, дружбой, душевным теплом, и они ищут возможность создать такое пространство для бытия, в котором можно жить, любить, творить без всяких границ, лишь с чистыми помыслами и намерениями. Сделать это можно только всем вместе, используя таланты каждого, чтобы, сочетаясь между собой, их сила превращалась в настоящее волшебство.

ISBN 978-5-532-04881-2

© Хуторная Е., 2020
© ЛитРес: Самиздат, 2020

Содержание

Часть 1	5
Часть 2	24
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Часть 1

Вэя смотрела на них с Шайей и думала, что тем летом они были просто идеальны. Хотя тогда им так не казалось – обе, как всегда, были чем-то недовольны, Шая тем, что волосы слишком сухие и жесткие, Вея – что ноги коротковаты и грудь маловата. Сейчас даже сложно было видеть проблему в том, из-за чего они так переживали тогда.

Тонкие, загорелые, обе с длинными светло-каштановыми волосами, примерно одного роста, комплекции, в похожих открытых купальниках, они даже улыбались похоже. Вэя помнила тот день, то солнце, песок, порывы свежего ветра, брызги морской воды. Ник сфотографировал их с Шайей случайно, поймал на лету на фоне прибоя, фокус чуть смещен, Вэя в центре, Шая слева от нее, не полностью вошла в кадр, но Вэя помнила прикосновение ее рук, запах ее волос, шум моря за спиной...

Вэя оторвалась от фотографии, посмотрела вверх на рвущиеся под ветром высокие тополя. Сегодня тоже ветер. Яркое солнце, пронзительное высокое голубое небо, бегут быстрые маленькие облака, но солнце ни разу не скрылось за ними, словно они старательно огибают его. То ли середина лета, то ли начало осени – вот такое настроение.

Вэя поднялась с деревянной скамьи, стоящей на веранде, обошла растянувшуюся на сухом деревянном полу тигрицу. Чуть не запнулась о ее лапу, и тогда Мока чуть повела головой в ее сторону, дернула ухом и снова уложила морду на пол, щурясь от солнца и подергивая усами. Вэя зашла в дом и вышла с чашкой горячего чая. На веранде уже сидел Серж.

– О, приветтики, – сказал он, откладывая раскрытый фотоальбом.

– Хочешь чаю? – спросила Вэя.

– Давай.

Вэя передала ему свою чашку и сходила в дом за еще одной для себя.

– Отличная погода, – сказал Серж, когда она вернулась.

Из-за края веранды на его ногу в мягком мокасине напал тигренок и, обхватив ее обеими лапами, пытался прикусить клыками.

– Правда? – спросила Вэя.

– Да, – кивнул он, продолжая играть с тигренком, – очень по настроению. Скучаешь?

Он показал глазами на альбом.

– Почему не Шамуи?

– Слишком тяжело, – отвела глаза Вэя.

– Понимаю, – отозвался Серж.

Тигренок потерял интерес к его ноге и направился к Моке. Мока лениво лизнула его по боку, когда он проходил мимо, и снисходительно позволила ему лазать по ней и играть с ее хвостом.

Очередной порыв ветра взъерошил длинные волосы на макушке Сержа. Волосы у него светлые, почти белые, при этом темные брови и ресницы, яркие голубые глаза, вытянутое лицо, похожее на лики святых и мучеников, сам худой, довольно высокий. Серж грел длинные белые пальцы о чашку, как будто был январь, а не июль. Хотя и неудивительно, что он походил на мученика – вполне в соответствии с биографией.

Вэя вспомнила, как встретила его спустя долгое время после их первого знакомства. Сказать «увидела» было бы неправильным – скорее, почувствовала, словно очутилась под куполом храма, в арки которого льется теплое вечернее солнце. Так прекрасно и так мимолетно, и возникает ощущение, что то ли можно в этом мгновении остаться навечно, то ли оно будет самым последним, что случится хорошего в жизни.

– Хочешь шоколадку? – спросил Серж.

Он как будто извлек ее из кармана, хотя Вэя была уверена, что никаких карманов на его одежде, куда мог бы поместиться шоколад, не было. Да и растаяла бы она в кармане, а эта нет, вполне прохладная, хорошая.

– Вкусно, – сказала она, смакуя кусочек.

– Да, – согласился Серж, прикрывая глаза и откидываясь на спинку скамьи, – Влаз и Кёльне молодцы. И чай хорош.

– Все мы молодцы.

Серж приоткрыл глаз, посмотрел на нее, улыбнулся одним уголком рта, но так тепло. И тут же словно обмяк, расслабился, вроде бы даже задремал.

У Вэи так не получалось, не сейчас. Все было для того, чтобы получать удовольствие от жизни, но не было самого нужного. И чем дальше, тем чаще внимание рассеивалось, мысли становились все более беспокойными и все меньше получалось чему-то радоваться.

– Все из-за Шай? – словно услышав ее мысли, спросил Серж. Хотя он, конечно, и услышал в некотором смысле.

Ответить Вэя и не смогла бы – к горлу подкатил комок. Тополя зашумели еще сильнее.

Серж открыл глаза и позвал ее рукой к себе. Вэя присела рядом с ним, прислонилась к теплому боку, положила голову на плечо. С ним и правда было легче, он всегда мог утешить и поддержать ее, так было с тех пор, как они узнали друг друга. Даже рядом с ним она не переставала скучать по Шае, но на какое-то время она словно забылась, отвлеклась от своей грусти, на душе стало тише и спокойнее.

Они довольно долго так сидели, торопиться было некуда, сил ни на что не было, по крайней мере у Вэи. Даже тополя немного успокоились, на небо набежали более крупные облака, солнце стало не таким ярким. Вэя то впадала в дрему, то открывала глаза и смотрела, как колыхается трава перед домом. И вдруг в какой-то момент поняла, осознала, что Серж становится все прозрачнее. Как только она раньше не обратила на это внимание?

Пропал тигренок, больше не было слышно пения птиц и жужжания пчел и свет солнца, порывы ветра больше не были таким ласковыми, мягкими, какими делал их Серж.

– Выходим? – спросила Вэя Сержа, обернувшись к нему.

– Да, мне пора, – только и ответил он.

По воздуху прошла рябь, после этого мягкий толчок, и они со всеми остальными из круга вышли из своего мира.

Поверить невозможно, Шай нет, а теперь еще и Серж уходит! Хотя теперь можно проведать Шаю – в этой мысли они совпали с Сержем.

– Только не надейся на глупостей, – посоветовал Серж, видимо, припоминая ей прошлый раз, когда она чуть не сорвалась, пытаясь привлечь внимание Шай, и в результате вогнала ее в еще большее уныние, почти депрессию.

Сложно общаться с человеком, когда сама ты – бесплотная душа. Уже пятнадцать лет они не вместе. И зря думала Вэя, что так будет лучше для всех. Это же она решила уйти, ну, то есть как решила... как люди решают, что им жить больше незачем, и тут же случается что-то или болезнь подходящая находится. Вот и Вэя заболела, настрадалась, под конец осознала, что не тот это был путь, что не лучше от этого ни Шае, ни ей, ни их семьям, но поздно уже было. И только одно еще осталось перед уходом сделать – принять это.

Приняла, конечно. Успокоилась даже, и именно это дало ей возможность совершить переход плавно, почти безболезненно и после этого оставаться в поднебесье так долго. Это только по меркам общего мира прошло пятнадцать лет, а у них время течет еще медленнее, и можно тянуть его и растягивать, особенно если есть душа с подходящими способностями, такая как Флайя...

Хотя в этот раз Вэю не особо радовали способности Флайи – вот если бы Шая была рядом, тогда можно было бы хоть несколько вечностей побыть в поднебесье. А без нее никакая жизнь не радовала.

Кто-то говорил, что такие чувства к другой душе это не совсем нормально и полезно, как привязанность, зависимость в общем мире – обычно в поднебесье никто уже подобного не испытывал, души были свободны от таких связей. На этом уровне они уже были лишены человеческого максимализма, привязанностей, страстей и пристрастий.

Конечно, души чувствовали близость, тепло друг к другу, но никто особо не страдал, если приходилось разлучаться, да и всегда можно было найти альтернативу – другую душу, или быть поближе к тем, кто не вышел еще из общего мира, или, в конце концов, самому в своем мире создать близкого человека, есть же воспоминания, возможности соответствующие. Но нет, Вэе никто не мог заменить Шаю, и несмотря на то, как хорошо она ее знала, создавать ее она тоже не хотела.

Из душ их круга лучше других Вэю понимали разве что близнецы – они тоже не могли друг без друга, хотя это было немного другое. А Серж сочувствовал Вэе, но самому ему нравилось, что можно быть свободным от земных страстей. У него была Аслана, его давнее воспоминание и фантазия одновременно, и его это вполне устраивало – она всегда была с ним, когда ему это было нужно.

– Серж, что мне делать? – спросила Вэя перед его уходом.

Они не общались как люди, не говорили словами. Это больше было похоже на чтение мыслей, хотя мысли и образы при этом посылались точно по адресу, поэтому общение и было похоже на разговор. И именно поэтому Сержу не надо было объяснять, что происходит – он видел Шаю в общем мире так же, как видела Вэя, в ее земной жизни, как сказали бы люди.

– Шая проваливается, – сказал он, – ты и сама понимаешь это. Она – старая душа, а кроме того, высокая, тонкая, ей пора было подниматься выше, но она осталась ради тебя и пошла в общий мир, чтобы быть с тобой, вместо того чтобы перейти в мир верхний.

– Но она сама не хотела подниматься.

– Да, – согласился Серж, – может, и не хотела, многие выбирают остаться в поднебесье, это дает возможность жить и чувствовать, а не только пребывать в вечной гармонии. Некоторым, кстати, кажется, что это и есть смерть, потому что в какой-то момент можно даже перестать осознавать себя.

– Да, но тогда ты начинаешь осознавать себя чем-то более великим.

– Эх, Вэя, узнаем, только когда сами окажемся там. Шае же в общем мире находиться слишком тяжело, особенно после твоего ухода – связь с жизнью теряется. Она слишком тонка для общего мира, потому что существование кажется ей сейчас таким тщетным, пустым и ненужным, ей все неинтересно. Если бы у нее вибрации были пониже, она давно ушла бы из жизни, а так она и уйти не может, но и оставаться невыносимо, только силы теряет.

– Серж, ну почему она не идет по пути мудрости? Почему не пытается приспособиться как-то, найти смысл, который помог бы выйти из этой ситуации, закончить эту жизнь и в конечном случае использовать ее себе во благо?

– Ты не забывай, что сейчас она человек, и ее сильно подкосил твой уход.

– Уже пятнадцать лет прошло!

– Почему же ты до сих пор ждешь ее? Тоже давно могла бы найти себе другое занятие. Точное замечание, Вэя не могла не признать это.

– Так что же делать?

– Сейчас очень важно не дать ей провалиться, – сказал Серж. – Может, и хорошо, что мы вышли из круга, и ты сможешь этим заняться. У нее сил хотя и много, но сама знаешь, в подобные эмоции можно и не такое море слить, а там недалеко и до растворения.

Душа Вэи словно сжалась при этих словах, и Серж почувствовал ее страх.

– Ты не бояться должна, а помочь ей. Только не как в прошлый раз, когда ты больше навредила ей, чем помогла, а по-настоящему. Унять свои страхи, тоску, задвинуть подальше все эмоции, собраться и сделать все как надо. Да, она человек, она не видит и не слышит тебя, но это не должно повергать тебя в отчаяние. Души всегда умели приходиться к своим близким так, чтобы те могли чувствовать их, и тебе просто пришла пора научиться этому.

Следуя словам Сержа, Вэя постаралась успокоиться и правильно настроиться – на доверие к жизни, все будет как надо.

– Вот и молодец, – сказал он, уловив перемены в ее настроении.

Вэя заметила, что его тон чуть смягчился, и от него повеяло сочувствием, теплом и...

– Ты завидуешь? – с удивлением спросила она.

Легкое веселое замешательство.

– Ну а как не завидовать, балда ты такая? – рассмеялся он. – Вы такие уникамы, словно прилипли друг к другу!

– Но ты же всегда говоришь, что тебе не надо всего этого, что Асланы вполне достаточно для счастья.

– Мало ли что я говорю! Хотя иногда я и правда так думаю. Но в другое время невольно приходит мысль, что, может, это мы ошибаемся, а не вы? Ведь видел я тандемы, возьми хоть наших близнецов Влаза и Кельне, но вы с Шайей не просто совпадаете и дополняете друг друга – вы же порождаете что-то такое, к чему нельзя остаться равнодушным. Мы привыкли тут думать, что высшее благо – это освобождение от земных привязанностей, желаний, стремлений, но вот я, честно говоря, глядя на вас, начинаю сильно сомневаться в правильности этих убеждений. Может, самое лучшее это не избавиться от всего, а найти что-то такое, благодаря чему ты становишься больше. Вот вы двое вместе и являетесь чем-то большим, думаю, никто, кто находится в трезвом уме, не станет отрицать этого.

Вэя почувствовала, как близнецы соглашаются с ним. А вот Фляйя придерживалась мнения, что никто ей не нужен, кроме ее ребенка.

– Более того, – продолжал Серж, – вы и нас в это вовлекаете. Во-первых, заставляете сомневаться, искать что-то, что можно было бы и не искать. А во-вторых, думаешь, сидели бы мы в этой развалюхе, если бы не вы? Выбрали бы какой-нибудь уютный таежный ручей, до которого никогда не доходил человек – свежий воздух, природа, чистота, красота. А вместо этого таимся в городских развалинах.

– Серж, не говори как человек, – отмахнулась Вэя, – тебе же все равно где находиться – в тайге или здесь, заброшенном, полуразвалившемся долгострое. Тем более что в тайге мы точно никому не послужили бы.

Это была правда, для них полуразрушенное здание означало совсем не то, что для людей. Души воспринимают мир иначе, не как люди, они не чувствуют запахов, при обычном восприятии не видят то, что видят люди – они воспринимают окружающую обстановку через ощущения, энергетику, вибрации. А с этой точки зрения недостроенное здание в одном из районов большого города, заваленное битым от бутылок стеклом и бычками сигарет, может ничем не отличаться от высушенных солнцем развалин древнего храма где-то в Греции – тот же мудрый покой, внутренняя тишина, неторопливо утекающее время, словно песок в песочных часах.

Потому души и создают круги в таких местах и потому эти места всегда притягивают людей, особенно молодых, тех, у кого каналы еще не забиты заботами о материальном, и тех, кто мечется, ищет что-то, приглядывается, прислушивается. Для них эти места, как и все остальные, где обитают поднебесные души – родники, ручьи, горы, лесные опушки, большие старые деревья, места старинных построек, места силы и, конечно, храмы и церкви, хотя с ними отдельная история – всегда словно светятся, манят чем-то неосознаваемым, но вполне ощутимым.

И да, людям только кажется, что души обитают в некоем более чистом и возвышенном пространстве, на небесах или вроде того, а на самом деле души точно так же наполняют их мир, просто существуют чуть в ином измерении, не совпадающем, но пересекающемся с жизнью в общем мире. Место нахождения душ – это категория, в большей степени связанная не с расположением в пространстве, а с качеством вибраций и способом взаимодействия с миром.

Да и сами души зачастую хотят держаться поближе к своим близким, находящимся в общем мире, и потому выбирают места поближе к ним. Конечно, обычно они все равно предпочитают оставаться в стороне, вмешиваться в жизнь людей чревато и для душ, и для самих людей, и все-таки все земные легенды об ангелах-хранителях это не просто легенды, а вполне имеющее место явление. Потому что когда очень нужно, души помогают людям, главное, делать это правильно, тонко, с правильными мотивами и целями. Впрочем, это любой помощи касается.

Вэя и Серж одновременно почувствовали, как их коснулся чистый и удивленный луч внимания.

– А, опять этот малыш, – сказал Серж, обнаружив источник луча.

С тех пор, как в заборе, окружавшем заброшенное здание, проделали брешь, к ним чаще стали забредать разного рода личности. Обычно они не особо беспокоили их круг, потому что не могли отчетливо ощущать их, а вот этот мальчик лет четырех еще мог, в каком-то смысле он почти видел их.

Вот и сейчас остановился на тротуаре у бреши в заборе и, заглядывая внутрь здания через отсутствующую стену, смотрел вверх, под потолок, именно туда, где находились Вэя, Серж и Флайя с близнецами.

– Проша! – уже окликала его ушедшая вперед мама.

Вэя уже видела, как Серж потеплел и наполнился смехом, и не успела возразить, как он пустил по лучику, шедшему от мальчишки, одну из смешинок. Мальчишка рассмеялся как от щекотки, когда она его достигла.

– Проша! – снова позвала его мама.

– Ну зачем ты, – сказала Вэя Сержу.

– Не удержался, – ответил он. – Обошлось же.

Не всегда дети смеялись – кто-то пугался, начинал плакать. Серж так неравнодушен был к детям, но с этими людьми надо быть такими осторожными.

Мальчик уже убежал за мамой.

– Какие они все-таки славные, – услышала Вэя в Серже.

Вот в этом и было благо от нахождения рядом с людьми – от этого соседства люди тоже чувствовали стремление к чему-то высокому, светлому, пусть даже не всегда осознавали это. Хотя кому-то из людей было мало соседства с местными душами, и тогда они ехали в горы, в леса, в места силы, исторические места, в известные на весь мир храмы.

И людей Вэя вполне понимала, будучи человеком она тоже совершала паломничества, хотя и не вполне тогда осознавала смысл этого, но вот точку зрения душ, заселявших подобные очень посещаемые места, не разделяла.

– Ну, там гораздо больше энергии, – ответил Серж на ее мысли, – можно подпитываться, даже не выходя в общий мир.

– Да, но что это за энергия, – возразила Вэя, – много возвышенного, но при этом и столько негатива. Вот представь любую церковь – сколько люди туда несут боли, страданий, сомнений, отчаяния, тоски, страхов...

– Понятно, что этим душам приходится взаимодействовать с людьми. Кого-то выслушать, кого-то поддержать, помочь, утешить, обогреть, но зато и каждый всплеск положительных переживаний всех, кто уходит из храма умиротворенным, очищенным, обнадеженным, служит для них источником энергии, позволяет оставаться в поднебесье.

– Но ведь они и себе не принадлежат большую часть времени – такая вот жизнь в служении.

– Каждому свое, – просто ответил Серж.

– Так что с Шаей? – спросила Вэя, возвращая его к прежней теме.

– Да, Шая. Прежде всего, сны. Только сны не как в прошлый раз, когда ты сама к ней являлась чуть ли не каждую ночь...

– Серж, ну я же только лучшего хотела!..

– Вэя, – остановил он ее, – ты знаешь, о чем я. Ты знаешь, что так нельзя. Ты умерла, а Шая нет. Вполне ожидаемо, ей стало казаться, что ты зовешь ее за собой, а это любого человека может повергнуть в тоску. Вот и получилось, что вместо того чтобы поддержать ее, ты, наоборот, затащила ее в еще большее смятение. Будь с ней во снах, но более тонко, не напрямую.

– Ну что мне, сниться ей прекрасными цветами и шелестом волн?

– Это уже гораздо ближе, – одобрил Серж, – и вообще не делай вид, что не понимаешь, о чем я. Ты прекрасно знаешь Шаю и умеешь мыслить образами и создавать их. И отлично представляешь, как можно мотивировать и бодрить не только через хорошие сны, но и через кошмары.

– Это когда просыпаешься в ужасе и думаешь, хорошо, что это не на самом деле?

– Вот именно, видишь, ты все понимаешь. Только смотри, аккуратнее и с этим тоже, чтобы не напугать так, что вообще забудешь, что можно проснуться.

– Это ясно. А во-вторых? И в-третьих? Что еще делать? – поторопила Вэя Сержа, заметив, что его присутствие с каждой секундой становится все более зыбким. Еще чуть-чуть, и он исчезнет, перейдя в общий мир.

– Вэя, так ты останешься здесь, не пойдешь в наш мир? – спросила Флайя.

Души их круга слышали, как они общались с Сержем.

– Мне надо помочь Шае, – ответила Вэя.

– Серж уходит, да еще и тебя не будет? – разочарованно протянул Кельне.

– Помогите мне здесь, – предложила Вэя, – вы же хотите, чтобы Шая к нам присоединилась? С ней-то намного лучше.

– Это да... – выдохнул Кельне, и всех невольно рассмешило его трепетное смущение при мысли о том, каким его делает Шая.

Образовывая круг, души создавали некий свой мир, и каждая душа благодаря своим способностям и талантам что-то привносила в это пространство, придавала ей некие качества, добавляла какие-то возможности. Поэтому чем талантливее были собравшиеся души, тем более захватывающим было пребывание в созданном ими мире.

Справедливости ради стоит уточнить, что те миры, которые души создавали в кругу, были не вполне мирами наподобие общего. Общий мир, тот самый, который по преданию был создан Богом, был настолько стабилен, что мог существовать без постоянной поддержки его создателей. Его уже давно изнутри питали души, приходящие в него снова и снова. Они приходили, чтобы пережить определенный опыт, чтобы расти духовно. В результате их вибрации становились более тонкими и позволяли подняться в поднебесье и пребывать там столько времени, сколько душам удавалось оставаться в этом состоянии.

Кем и когда был создан общий мир, в поднебесье не знали так же, как и в мире людей. Также существовали разные гипотезы и легенды, по одной из них, якобы когда-то была очень древняя и очень сильная душа, некая изначальная энергия, которая и дала жизнь этому миру. В него стали приходить другие души, а также рождаться новые, их становилось все больше, и в итоге они заселили всю огромную планету.

Хотя совсем необязательно, что этот мир изначально имел форму и размеры планеты. Вполне может быть, что уже позже он трансформировался до таких форм и размеров, адаптируясь под новые представления людей о нем.

Этот мир уже не нужно подпитывать энергией, как делают души, создавая свои миры, потому что представление об общем мире живет в таком огромном количестве душ, что он уже существует словно сам по себе. Хотя и в это представление каждая душа привносит что-то свое.

По другой легенде, изначально существовали лишь крохотные крупицы энергии. Но они росли, развивались, объединялись и постепенно создавали свой материальный, стабильный мир. Совокупность этих энергий и есть Бог. Не зря ведь люди чувствуют такой подъем и такую силу, когда объединяются вместе – именно это единство и делает их Богом.

Сначала люди проживали жизнь и сразу шли в новое воплощение, но постепенно уровень духовного развития возрастал, и возникло поднебесье – место, где оказывались души с тонкими вибрациями, словно поверх общего мира, вне его системы. Хотя и они не могли уйти из него навсегда.

Миры же, которые создают души в кругу, являются не вполне мирами, а скорее некоей временной симуляцией, которая существует, только пока души поддерживают ее своей энергией, вниманием. Однако, пока этот мир существует, в нем вполне полноценно можно жить – чувствовать, переживать, творить, заниматься любимыми делами, быть рядом с близкими, получать удовольствие от еды, природы, от ощущений тела. И тем качественнее и прекраснее эта жизнь, чем более существенными талантами обладают души, которые его создали.

Круг Вэи в этом смысле был подобран очень удачно, Серж собрал их всех вокруг себя. Причем таланты самого Сержа не такие уж выдающиеся на первый взгляд. Его способность заключалась в том, что он создавал особую атмосферу душевности. Казалось бы, не такая уж необходимая вещь, вполне можно было прожить без этого ощущения душевного тепла, близости, которое объединяет все живое, без милых бабочек, стрекоз и божьих коровок на лугах, без лапочки тигренка, однако когда Серж отсутствовал в кругу, все это чувствовали.

Кроме того, именно он нашел, притянул их всех – Вэю, которая с необыкновенной точностью и мельчайшей прорисовкой воссоздавала в их мире природу, создавала времена года, время дня и ночи, погоду. Флайю, которая управляла временем, могла растягивать его, особенно когда все были в сборе, и, наоборот, сжимать, если нужно было помочь пережить быстрее какой-то период. Кельне наполнял их мир чувствованием – всеми ощущениями тел, которые души создавали для себя, запахами, звуками в человеческом понимании, он создавал вкус еды, которая появлялась в их мире, и делал эмоции более человеческими, выразительными, лишал их вселенской философской невозмутимости. Именно поэтому Вэя так скучала по Шае, когда они находились в их мире.

Влаз был талантом по части технических сооружений. Не всегда в их мире у него была возможность проявить свои способности в полной мере, но уж если появлялся такой шанс, то ему не было равных.

Еще был Невидимка, Нев. Его способностью являлось то, что он лишал все души в кругу возможности читать мысли. То есть пребывая в кругу с Невом, души чувствовали себя как обычные люди, которым чтобы понять друг друга, надо общаться и уметь друг друга чувствовать. И при этом они не могли случайно «выболтать» свои мысли.

Самого Нева никто не видел и не слышал никогда – он действительно был невидимкой. Он не воплощался в их мире в теле человека, и даже будучи душой ощущался скорее не как присутствие, а как отсутствие. Не вступал в общие обсуждения, не делился, не отстаивал свои интересы, он не был ни за, ни против. И Вэя не помнила, чтобы когда-нибудь он уходил в общий мир, и это было странно, потому что сколько бы души не пребывали в поднебесье, рано

или поздно им приходилось воплощаться в земной жизни, чтобы повысить вибрации, которые со временем неизбежно падали.

Вэя как-то спросила у Сержа про Нева, откуда он взялся и как Серж нашел его, почему тот не уходит никогда, но Серж ответил уклончиво и очень неопределенно, и Вэя поняла, что затрагивать эту тему не стоит.

Не всем, кстати, нравились способности Нева. Кажется, близнецов вполне устроило бы, если бы не приходилось объяснять что-то друг другу. А вот Вэя, наоборот, не хотела быть постоянно открытой для всех, особенно когда Шая была в мире вместе с ней. Ей по душе была некая приватность, возможность быть иногда наедине с собой. Да и в том, как они с Шайей чувствовали друг друга, не имея возможности слышать мысли, всегда была некая магия, гораздо большая, чем в простом чтении мыслей.

Ну и, конечно, Шая. У нее был особый талант – она приносила нечто не в мир, а в самих душах пробуждала их непроявленные качества или способности. Именно поэтому Кёльне так смутился – его Шая делала очень чувственным, восприимчивым, и это касалось не только, например, ощущений вкуса, запахов, цветов, но и сексуальной чувственности. Как говорил Кёльне, тогда практически вся жизнь становится одним непрекращающимся оргазмом – сексуальным, вкусовым, визуальным, словно тебя доводит до экстаза практически любое приятное ощущение.

Серж в присутствии Шайи обретал возможность делать более живыми и правдоподобными версии тех людей, чьи души создавали для себя в своем мире. Сам Серж создавал в их мире девушку, которую когда-то любил, Аслану. Она у него получалась милой, красивой, нежной, и все-таки ей не хватало той живости, непосредственности, которой отличалась созданная Сержем живность. Его белокурая Аслана больше походила на живую послушную куклу, которая даже слова без спроса не могла сказать.

Когда же появлялась Шая, Аслана по-настоящему оживала. Она при этом не становилась более разговорчивой, но в ней начинал чувствоваться характер, ее редкие реплики были умны и остроумны, и смеялась она над чем-то действительно смешным, а не тогда, когда этого хотел Серж.

Аслана даже выглядеть начинала по-другому – в одежде, макияже, причёске. Из светлой белокурой нимфы она превращалась в стильную блондинку, впрочем, не гламурную, а очень простую и естественную, словно этот стиль был не тщательно продуман, а служил проявлением ее истинной сути.

– Почему ты не приведешь к нам настоящую Аслану? – спрашивала Вэя Сержа. – Ведь она же существовала на самом деле.

– Слишком много мороки, – уклончиво говорил Серж, – ты же знаешь, я не люблю сложностей. А так проще, к тому же, как ни странно, в этих двух разных Асланах, с присутствием Шайи в мире и без него, воплощается истинная она, такая, какой она была в жизни. Так что мне ничего больше не надо.

Интересно было то, что другая способность Шайи практически мгновенно создавать любые объекты и пространства раскрывалась в их мире только в присутствии Вэйи. С Вэйей Шая получала возможность буквально творить из воздуха. Она могла мгновенно создавать любые ландшафты, постройки, технически сложные конструкции, людей, животных, любые бытовые мелочи, еду, одежду и даже то, чего не существовало в земном мире. Более того, она могла влиять на творения душ из круга – менять погоду, созданную Вэйей, ход времени, силу и качество ощущений. По сути, она практически становилась богом в их мире.

При этом совершенно невозможно было сказать, сама ли Вэя влияла так на Шайю благодаря своим способностям или это Шая наделяла ее таким умением. Но в результате вместе они делали пребывание в мире полным таких возможностей, что оно начинало походить на захватывающий аттракцион, и тогда каждый хотел оставаться в нем как можно дольше.

Однако несмотря на то, что все хотели, чтобы Шая вернулась, далеко не каждый легко мог решиться на то, что для этого придется делать. Для душ вмешиваться в жизнь в общем мире всегда было чревато, делать это нужно было очень осторожно и продуманно.

– Серж, может, и ты сможешь нам? – спросила Вэя. – Ты же все равно идешь в общий мир.

Вэя почувствовала, что он понял, на что она намекает, и не совсем согласен с ней.

– Ты же знаешь, сложно влиять на то, где мы и в качестве кого окажемся, – отозвался он.

– Но ты же можешь постараться...

Он ничего не ответил, но Вэя поняла, что он готов подумать на эту тему.

– Что нам еще делать, чтобы поддержать Шаю? – снова спросила она Сержа.

Серж делился своими идеями, пока его присутствие не стало ощущаться как легкая дымка, которая вот-вот бесследно растворится в воздухе.

– Спасибо, Серж, – сказала ему Вэя напоследок.

Ему пора было уходить в новую жизнь, и его надо было отпустить. Это грозило проблемами, когда душа пыталась отсрочить свой уход. Через какое-то время его след и правда окончательно рассеялся в пространстве.

– Так что, – спросил Влаз, – какие наши действия по спасению Шаи?

– Я пойду первая, – сказала Вэя, – а вы будете мне помогать.

Далеко ходить не надо было, Шая была очень близко, буквально в соседнем дворе. Конечно, для души большие расстояния не проблема, и все-таки Вэе хотелось и территориально быть ближе к ней. Да и не приходилось тратить лишнюю энергию на поддержание связи с ней.

Ментально души из поднебесья намного сильнее людей. У людей много энергии уходит на обслуживание тела, материальной стороны жизни, на решение жизненных проблем, на рутину. Часто даже люди с высокими душами не совпадают вибрациями с душами из поднебесья. Именно поэтому когда душа появляется рядом с человеком, это может пугать его, вызывать чувство тревоги, опасности, неконтролируемой паники, и по той же причине души могут являться далеко не перед каждым человеком, а только перед теми, кто может их выдержать.

Хотя души могут приходить к людям в разном виде. Вся их энергия может быть свернута внутрь, и тогда внешне они похожи на маленькие шарики, но внутри у них целая вселенная. И наоборот – они могут разворачиваться вовне и охватывать своей энергией такой величины пространство, насколько хватает их потенциала, и это могут быть многие километры в человеческих измерениях.

Свернутые внутрь души для людей не представляют опасности, но тогда они и сделать почти ничего не могут. Не могут проявиться, дать почувствовать, явиться неким образом или ощущением.

В развернутом же виде они небезопасны. Именно об этом и говорил Серж – в прошлый свой приход к Шае Вэя не удержалась, развернулась, так захотелось объять Шаю, согреть, поделиться своими силами. Если бы Шая была в другом состоянии, на высоких вибрациях, как, собственно, и должно было быть с ее душой, она почувствовала бы Вэю, откликнулась. Но Шая проваливалась все ниже, и потому присутствие Вэи вызвало у нее панику, чуть ли не ужас.

Поэтому Вэе очень важно было соблюсти этот баланс – раскрывать свое присутствие по чуть-чуть, удерживаться от своих порывов, не пытаться обрушиться на Шаю всей силой своей любви, а вливать ее по капле, быть легким ветром, теплым солнечным лучом, смутным ощущением надежды.

Делать это было довольно сложно – даже сейчас, еще только приближаясь к дому Шаи, Вэя уже чувствовала, как в ней поднимается волнение. Любимая подруга, родная душа, столько пережито вместе, столько счастья на двоих, как отказаться от этого чувства, когда вы делаете

лучше друг друга и мир вокруг себя, когда вы вместе можете создавать столько прекрасного, и никто во всем свете не может вам заменить друг друга.

Вэя специально выбрала этот путь, словно она и правда не спеша шла к дому Шаи, хотя на самом деле суть ее перемещения заключалась более не в физическом движении по пространству, а в представлении о том, как она движется. Ведь душа находится там, где представляет себя. Но наконец Вэя очень плавно переместилась с улицы в пространство квартиры Шаи на десятом этаже многоквартирного дома.

Вот она, моя девочка, так соскучилась по тебе. Теперь главное – успокоиться. Была бы человеком, сделала бы несколько глубоких вдохов. А так надо было на что-то отвлечься, осмотреться хотя бы.

Квартира была довольно чистой, Шая хотя и в апатии ко всему, но порядок поддерживает – это уже хорошо. Ник тоже дома, работает. Он юрист, так что всегда есть что взять на дом.

Они, конечно, постарели, Шае уже пятьдесят пять, Ник чуть старше, но выглядят оба все такими же привлекательными.

Ник любит Шаю, все так же любит. Правда, не всегда знает, как с ней обходиться, часто она ему кажется просто другой вселенной, и ее очень сложно понять, если она ему не помогает. А сейчас, когда Шая в таком состоянии, такие моменты случаются все чаще. Внешне он не подает вида, словно все как всегда, но иногда он чувствует себя совершенно потерянным, а порой даже злится немного, но и этого не показывает.

Вот ведь парадокс – он рядом и так много мог бы сделать для Шаи, но на деле даже не знает, как к этому подступиться. Ему проще составить сотни договоров и дополнений к ним, выступить в суде и выиграть сложное и почти безнадежное дело, чем дать понять жене, что он готов поддерживать ее.

– Танюш, – вдруг окликнул Ник Шаю, именно так зовут ее в земной жизни, и направился к ней в комнату, где она на телефоне просматривала почту. – Уже второй раз звонил Федька, хочет встретиться с нами, предлагает на субботу. Ты как?

Он остановился в дверях совмещенной с кухней гостиной в ожидании ответа от жены.

Шая какое-то время молчала, сосредоточившись на телефоне, наконец не очень уверенно повела головой:

– Ну, можно и на субботу...

– На три нормально?

Шая снова ответила не сразу:

– Вроде нормально...

Ник еще какое-то время молча постоял на пороге, после чего пошел к себе в кабинет, под который переделали бывшую комнату Феди, их сына, когда тот стал жить отдельно. Когда он проходил по коридору, то вдруг остановился точно под тем местом, где под потолком зависла Вэя, и она с удивлением поняла, что он думает о ней.

Ник вспоминал о ней с теплом, как о человеке, с которым всегда было легко и который любил его, просто любил. Вэя поняла, что он не первый раз думает об этом.

Эх, Ник, опять ты все не так понял!

Вэе захотелось поддержать и обогреть и его тоже. Да, это правда, долгие годы они были любовниками и друзьями, и Вэя действительно принимала в нем участие, помогала и поддерживала, в том числе в том, что касалось его жены. Но всегда Вэя воспринимала его через Шаю. Ник и привлекал ее только потому, что его выбрала Шая. Вэе казалось, что через него она становится ближе к ней, и изливала на него любовь, предназначенную Шае. Но Ник, конечно, этого не понимал и был уверен, что он сам вызывает в ней такие чувства.

Однако только сейчас Вэя видела эту ситуацию так отчетливо. Когда же они еще были вместе в этой жизни, чувства к Шае казались завистью, отношения с Ником – желанием иметь то, что имеет Шая. Отсюда бесконечное чувство вины, которое преследовало Вэю всю жизнь

и довело в итоге до ухода из этой жизни – в какой-то момент ей стало казаться, что без нее всем будет лучше. Это решение покинуть эту жизнь и освободить всех представлялось самым честным.

Единственное, чего она не учла, это то, что не только ей нужны были эти отношения, каким бы странным это ни казалось на первый взгляд. Шая была раздавлена, когда узнала об отношениях Вэи и Ника, но уход Вэи оказался для нее еще более оглушающим, он лишил ее самого желания жить.

Именно поэтому Шая не ушла от Ника и никогда не пыталась найти другого мужчину – подспудно чувствовала, что это ничего не изменит. Вместо этого она с головой ушла в работу, хотя и это оказался не лучший путь. Она загрузила себя на двадцать четыре часа по семь дней в неделю, сделала карьеру, стала генеральным директором крупного холдинга, и это действительно помогало отвлекаться от неразрешенных проблем, но при этом Шая тратила массу энергии, которая и так утекала из нее все быстрее, и это совершенно не способствовало обретению внутренней гармонии.

Вэя и подумать не могла, что ее уход подействует на Шаю именно так. Шая всегда такой тонкой была, такой мудрой, а тут и правда в ней словно сломалось что-то, и, как говорится, что-то пошло не так. Сильно не так.

Конечно, Шае не надо было идти в общий мир в этот раз. Перед уходом она была готова к чему-то большему – подниматься выше. Но Вэя не могла пойти с ней, а Шая не захотела избавиться от своей последней привязанности, которая мешала ей подняться в верхний мир. Они обе знали, чем рискуют, но казалось, что они это преодолеют. Однако все и правда оказалось не так просто.

Людам в общем мире зачастую все представляется не таким, каким все видят души. Люди не помнят, что было до их жизни, не знают, что будет после – они видят только короткий отрезок своего существования и судят о нем лишь на основе этой малой части знания и опыта о себе и мире, которая им доступна. Те же ощущения, которые называют интуицией и которые могли бы сказать и объяснить гораздо больше, принято считать иррациональными и не стоящими особого доверия

Все, чего хотели Вэя и Шая, это быть вместе в этой жизни, и им просто надо было пережить ее, чтобы после этого снова обрести друг друга в поднебесье. И они действительно были вместе в общем мире – они были подругами, и у них был один мужчина на двоих, который тоже делал их ближе, будучи их любовником и другом.

Однако Вэя, руководствуясь чисто человеческими эмоциями, замучила себя чувством вины и довела себя до ухода из жизни, якобы чтобы не мешать Шае и Нику. Правда, умерла она не сразу, уходила постепенно, и уже встав на этот путь, она поняла, что была не права, что надо по крайней мере принять эту ситуацию. Долго мучилась, пытаясь сделать это, и в конце концов у нее получилось – почти перед самой смертью вдруг словно свет влился в душу, простила себя и вместе с этим поняла, что ведь можно, можно было просто жить дальше!

К счастью, на этот раз доверилась интуиции, смогла и это отпустить, принять свой уход, успела подумать, что они наверняка еще все исправят, пусть и не в этой жизни. В итоге это подняло ее вибрации, наполнило энергией, и она снова очутилась в поднебесье.

Что касается Шаи, то у нее, казалось, гораздо в лучшей степени была развита интуиция и потому ей сложнее было обмануться человеческими чувствами и страстями. Она была старой, мудрой душой, легко все принимала и отпускала, легко шла вперед. У нее было достаточно энергии, чтобы подниматься над житейскими страстями, привязанностями, вовлеченностями. Для Шаи не должно было представлять никакой сложности мудро и спокойно пережить все случившееся в ее жизни – измену и уход Вэи, – благополучно закончить жизнь и, поднявшись в своем духовном развитии, без проблем перейти в поднебесье. Но в том и коварство земных

воплощений, что даже для мудрых душ проблема может оказаться в чем-то очень простом, в том, что они уже миллионы раз проходили, и именно это случилось с Шайей.

То, что Шая пошла в бизнес, такую очень материальную сферу, и сливала туда энергию вместо того, чтобы идти по пути духовного роста, тоже казалось только следствием, а не причиной того, что происходило. Конечно, можно было и делая карьеру заниматься своим духовным развитием, однако Шая использовала работу только для того, чтобы забыться.

Так в чем же было дело? Вэя не могла понять, душа Шаи ускользала от нее, она не могла в ней это уловить.

Вэя еще какое-то время повисела под потолком в коридоре – прислушивалась, примеривалась, сонстраивалась. Потом переместилась в гостиную, туда, где по-прежнему находилась Шая. Зависла на уровне одного из широких окон, в которых сейчас мерцали вечерние огни, крупные летние звезды. Слилась с вечерним воздухом, с огнями, растворяла в них крупинки любви и нежности, вплетала в вечерние запахи, делая их более яркими, отчетливыми.

Шая все еще не выпускала телефона из рук, потом перешла к ноутбуку, но в какой-то момент вдруг оторвалась от него, посмотрела в окно, которое выбрала для себя Вэя. Засмотрелась, задумалась как будто, хотя скорее наоборот, вдруг поняла Вэя – против обыкновения перестала думать о чем-либо, ставить задачи, решать проблемы, подводить итоги. Просто смотрела в окно, на огни, на звезды, вдруг ощутила, как пахнет летняя ночь – давно забытое, пронзительное ощущение.

А потом и вовсе отложила телефон, закрыла ноутбук, выключила свет в комнате и подошла к раскрытому окну. Вэя, которая находилась в каких-то нескольких сантиметрах от ее виска, почувствовала ее так близко. И этого уже было так много, что Вэе стоило большого труда сдерживать поток нежности, что переполнял душу.

Шая все стояла и стояла у окна, впервые за долгое время получая удовольствие от запахов, легких порывов ветра. И впервые за долгое время думала не о работе, хотя о чем она сейчас думала, она и не смогла бы сказать. Вдруг появилось место в душе для чего-то еще, но для чего? Пока было просто удивительно и необычно наблюдать за этим, и Вэя сохраняла свое тихое, теплое свечение – теплела тихо рядом, мерцала как свеча, лилась как молитва, и это было самое лучшее, что она сейчас могла сделать для Шаи.

Ночью Шае приснился сон. Флайя помогла Вэе, чтобы сон этот был гораздо дольше по ощущениям, чем на самом деле длился по времени. Шае снилось, будто она была на море в огромной прозрачной сфере. Сфера вращалась, и Шая видела, как за ее оболочкой переворачиваются море и небо, и это было так грандиозно и захватывающе. Шая знала, что это она заставляет сферу вращаться, и как будто ей было знакомо это чувство, но с чем оно было связано, она не могла уловить...

На следующий день Шая и Ник поехали встречаться с Федей, а Вэя в это время, подключив Влаза и Кельне, почистила ее квартиру. Кельне все время пытался не просто очистить пространство от мусорной и застоявшейся энергии, но и привнести в него какую-нибудь красоту – сделать более тонкими и яркими запахи, вплести в пространство крохотные серебряные колокольчики, задевая которые люди чувствовали беспричинную радость, наполнить комнаты энергией легкости, безмятежности.

– Ты сильно не увлекайся, – попросила Вэя, – Шая, может, и почувствует это все и ей будет приятно и полезно, а вот Ника это точно будет только раздражать. А раздраженный Ник нам тут не нужен.

И хорошо, что Кельне послушался ее, потому что вернулись Ник и Шая взвинченные, и ссорились они, как сразу стало понятно, из-за Федеи.

– И что, – вопрошал Ник, – ты теперь перестанешь общаться со своим сыном? Или будешь делать вид, что у него нет семьи, нет ребенка? Не будешь говорить с ним об этом, не будешь видеться с внуком?

– Или внучкой, – внешне бесстрастно поправила его Шая.

– Тань, не передергивай! Я сейчас не об этом говорю!

– А я вообще не хочу говорить, не о чем тут говорить, – бросила Шая. – А ты мог бы и постыдиться и хотя бы не защищать ее так.

– Да я только сына своего защищаю! – возразил Ник. – Федьке тридцать лет, да слава богу, что он наконец-то решил обзавестись семьей!

Но Шая уже ушла в спальню и хлопнула за собой дверь.

Вэя проследовала за ней и была ошарашена тем, что увидела в Шае. Никогда не подумала бы, что до сих пор все дело в ней, в Вэе, и что причина, из-за которой мучается ее светлая мудрая Шая, так банальна. Но в этом и заключается коварство человеческой природы – эмоции способны увести так далеко от сути, на многие годы, на жизни даже.

Мысли и эмоции бурлили в Шае, поэтому Вэя наконец без труда увидела все, что искала так долго.

У Вэи в той жизни остался ребенок, дочка Аня. Она была не от Ника, а от ее бывшего мужа, с которым они прожили совсем недолго. После ее ухода Аню воспитывала бабушка, и это они были между собой родными душами – Аня, бабушка и уже умерший дедушка, который помогал им из поднебесья. Именно поэтому Вэя и ушла от них относительно легко, и после ухода думала о них мало – это была какая-то их история, из-за которой все должно было сложиться именно так.

Теперь Федя собирался жениться на Ане, потому что она была беременна от него. А Шая не могла принять это – она была готова отвергнуть собственного сына из-за того, что до сих пор, как оказалось, не простила Вэю ни за измену, ни за ее уход, и это отношение перекладывала на ее дочь.

Вэя и подумать не могла, что Шая могла застрять на такой элементарной, много раз пройденной задаче, как прощение. Но так и бывает – мы переживаем что-то много раз и, кажется, обретаем мудрость, которая всегда будет защищать от таких испытаний, но возникает ситуация, что-то нас цепляет, уводит в сторону, и вот мы опять споткнулись, смешались и ушли в обиду. И очень часто такие ситуации связаны с самыми близкими – они дают самую большую силу, но и наиболее уязвимыми делают тоже они.

В ту ночь Шае снова приснился сон – словно она маленькая девочка, и она знает, что у нее нет мамы и никогда не будет. Но тут приходит Федя и говорит, что он будет ее папой, и он такой добрый, такой хороший, девочке так хочется, чтобы он был ее папой, но почему-то она знает, что не может согласиться на это, надо отказаться, не может она позволить ему быть его папой...

Шая проснулась со слезами на глазах и весь день ей настойчиво вспоминался этот сон, хотя думать о нем за всеми срочными делами, которые навалились на нее с понедельника, было категорически некогда. Сон вызывал досаду, смутное чувство вины, доставлял дискомфорт, потому что принимать Федину невесту и ребенка она по-прежнему не собиралась, но при этом у нее все-таки было ощущение, что она что-то делает не так.

В этот момент Вэе снова потребовалась помощь Флайи.

Прошлое исправить нельзя. Испытывая сожаления относительно событий, имевших место быть в прошлом, мы только мучаем себя, но при этом ничего не меняем. Однако что мы действительно можем сделать, так это думать с теплом, с мудростью о тех моментах и о тех людях, на которых нам когда-то не хватило этого тепла и этой мудрости. Словно посылать эти добрые чувства в прошлое, представляя себе, что мы находимся там и помогаем участникам происходящего своей незримой поддержкой, участием.

Так вот Флайя помогала оказаться там, в прошлом, в тех моментах, в которых нам когда-то не хватило сил на то, чтобы быть добрыми, щедрыми, любящими. Хотя если быть точнее, она не возвращала в прошлое, а словно создавала петлю, в пересечении которой сходилась насто-

ящее и нужный момент прошлого, как два проезжающих мимо друг друга поезда. И можно было помахать из своего поезда тем, кто проезжал мимо, – своим близким или самому себе.

Сначала Вэя отправилась туда, где Шая чувствовала себя особо одиноко. Уже прошло какое-то время после ухода Вэи, боль притупилась, Шая снова понемногу возвращалась к обычной жизни. Но однажды она шла через парк в ресторан, где ее ждал Ник, и вспомнила, как они когда-то гуляли там с Вэей. И Шая вдруг с жестокой ясностью осознала наконец, что никогда больше не будет как раньше. Раньше она могла обижаться на Вэю, в чем-то винить ее, отвергать, но теперь она не может даже этого, потому что Вэи просто нет.

От этого нового осознания Шая почувствовала себя такой навсегда потерянной, что у нее даже потемнело в глазах. Ей пришлось остановиться у скамейки и присесть. Слез не было – была только такая невыносимая тоска и мука в душе, что просто не хотелось жить. Исчезнуть бы, подумала Шая тогда, просто раствориться бы в воздухе вместе со всем, что на душе... К сожалению, иногда наши желания начинают сбываться просто-таки с буквальной точностью.

Именно в тот момент и направилась Вэя. Создала из своей любви и нежности облако настолько тончайшее, насколько смогла, наполнила его запахом елей, которые стояли рядом со скамейкой, куда присела Шая. Недавно прошел дождь, и хвоя пахла влажно и свежо. И этим облаком, этим запахом Вэя окружила Шаю. Даже не мысль в него вложила, а только чувство, едва уловимое ощущение – я с тобой, я всегда с тобой...

Флая замедлила время, Шае показалось, что она целую вечность просидела на этой скамейке, хотя на самом деле прошло не больше десяти минут. Ник даже не хватился ее, не начал названивать и выяснять, где она, не потревожил ее. Зато когда Шая поднялась со скамейки и продолжила путь через парк, она уже могла жить дальше.

И был еще один момент, когда Шая осталась совсем одна. Федя тогда переехал от них, пошел работать, снял квартиру, сказал, что хочет жить один. Для Шаи оказалось неожиданным оказаться наедине с Ником, Федино решение казалось чуть ли не предательством, и снова так отчетливо вспомнился уход Вэи.

Вэя выбрала тот момент, когда Шая была одна дома, с Ником они поссорились, и он уехал на дачу, хотя был уже конец октября. Шая не находила себе места, не находила точку опоры в себе, в жизни, снова казалось, что жизнь пуста и бессмысленна. Долго не могла уснуть, но наконец задремала зыбко и беспокойно.

Вэя снова окутала ее, убаюкала. Отогнала нечисть, которая уже готова была напасть на Шаю в ее самом беззащитном, уязвимом состоянии. Разглядила, успокоила ее сон, и он стал более глубоким, целебным.

Шае тогда не снились сны, но когда она проснулась, то даже удивилась, из-за чего устроила весь сыр-бор накануне. Собралась и поехала на дачу к Нику. Вдруг так захотелось ощутить аромат влажных елей, которые росли на их участке. И после того дня, который они с Ником провели у камина за бутылкой красного вина, все как-то снова наладилось.

Вернувшись в настоящее, Вэя обнаружила, что Шая собирается на свадьбу к сыну. По-прежнему напрочь отрицает возможность отношений между их семьями, но присутствовать на свадьбе исключительно ради приличий и традиций все-таки находит нужным.

Потом так же исключительно ради приличий она поехала на выпуск снохи и внука из роддома. Чтобы не ехать с пустыми руками, купили несколько наборов одежек для новорожденного, подгузники, погремушки, большой букет и торт.

Шая полагала, что на этом визите ее общение с семьей сына прекратится раз и навсегда, но посмотрела в личико внука, взяла его на руки и поняла, что никого не любила так – даже, наверное, сына, – как это хрупкое, нежное создание.

Шая и Ник поехали к Феде и Ане домой, и Шая сама уговорила Аню пойти поспать, уверила ее, что с маленьким Сережей уж точно ничего не случится, пока она за ним присматривает.

– Спасибо, Серж, – подумала Вэя, глядя на младенца, – воистину умеешь ты создать атмосферу душевности, в которой растает даже самое обледеневшее сердце.

Когда Ник с Шайей ехали вечером домой, Шая начала писать что-то в телефоне.

– По работе? – спросил Ник. Переживал, что Шая мало отдыхает, даже в выходные ее не оставляют в покое.

– Пишу заявление на отпуск, – сказала Шая.

– Отпуск? – Ник был ошарашен. – Не помню, чтобы за эти пятнадцать лет ты хотя бы раз была в отпуске.

– Так не кажется тебе, что пора уже? – съязвила Шая.

И она действительно пошла в отпуск, проводила много времени помогая Ане, а когда Сережа подрос, он стал часто бывать у бабушки и дедушки. И Вэя видела, как оттаивает душа Шайи, как она снова наполняется светом и любовью и начинает любить всех вокруг.

Однажды Шая после работы заехала в магазин и вернулась домой с целым набором красок, кистей и бумаги. На ее холстах рождалось что-то неопределенное, абстрактное. Ник смотрел на ее картины и только смущенно хмыкал, говорил, что он ничего не понимает в искусстве, поэтому не может судить.

Зато душа Вэи пела при соприкосновении с Шайиными творениями. Сама того не осознавая, Шая в цветах и формах выражала свою способность создавать новое, именно то, что всегда увлекало ее больше всего. А значит, она возвращалась к себе.

Да это было понятно и по многим другим признакам. Шая снова излучала свет, рядом с ней приятно было находиться, она снова радовалась жизни, благодарила эту жизнь.

Уже все, и близнецы, и Флайя говорили Вэе, что пора уходить, что они сделали все, что задумывалось, и даже больше.

– К тому же Серж теперь с ней, – напоминал Кёльне.

Но Вэя медлила, боязно было оставлять Шаю – вдруг без ее поддержки она снова начнет проваливаться?

– Ты не можешь опекать ее до самого конца, – сказала Флайя, – в том и смысл, что Шая сама должна выбрать этот путь.

Почти через год, снова летом, маленький Сережа играл на полу в гостиной, а Шая сидела на диване, набрасывала что-то на листе бумаги. И вдруг подняла глаза, посмотрела прямо в пространство открытого окна, где по обыкновению висела Вэя, и подумала: «Я простила тебя, боже, я больше ни в чем тебя не виню. И Ника простила, спасибо ему за то, что он со мной все эти годы. Спасибо вам обоим».

Сережа засмеялся в этот момент, обернулся к окну и тоже посмотрел на Вэю. А у Вэи так спокойно, так тихо стало на душе, впервые за многие годы. И в тот момент она поняла, что теперь действительно можно уходить.

С тех пор Вэя больше не проводила с Шайей так много времени, как раньше. Наведывалась иногда, заглядывала к Сереже, тот всегда улыбался ей, смеялся. Шая стала гораздо спокойнее, расслабленнее, все больше стала интересоваться окружающим миром, радоваться мелочам, стала теплее относиться к Нику. И вообще она вдруг поняла, что Ник это тот человек, единственный наверное, с которым она может говорить о Вэе. Это тоже поспособствовало их сближению.

В кругу решили, что они вполне могут сходить в их мир, теперь можно было и им немного отдохнуть.

– Только пойдёте на этот раз в мир красок? – предложил Кёльне.

Флайя задрезжала – не любила краски, плохо их чувствовала. А Вэя даже рада была этой возможностью, так что поддержала близнецов, и они пошли в круг.

Вэя всегда с любопытством ждала очередного вхождения в круг и создания нового мира – они порождали интересные ощущения. Это было похоже на то, как каждый оргазм в общем

мире порождает различные цветовые образы в воображении. По ощущениям вхождение в круг тоже напоминало чувство наслаждения, душевного подъема, только иного рода, не сексуальное – такое бывает, когда люди соединяются в общем порыве, объединены общей целью, или поют в хоре, или танцуют на концерте любимого исполнителя. И образы в этот момент рождались самые разные – то это было похоже на стремительное движение поезда по ровным рельсам, то на поднимающиеся к поверхности пузырьки воздуха в воде, то на стелющийся под ветром ковыль или на облако, на глазах меняющее форму.

Вэя не могла понять, связаны ли эти образы с тем, какой в итоге будет создан мир, или с общим состоянием их круга, или с ее собственным состоянием, но наблюдать за этими ощущениями ей нравилось. Все рождающиеся в сознании образы, может, были и непонятны, но всегда казалось, что они полны смысла и выполняют некую функцию, как сны, например.

Перед началом объединения души как обычно приблизились друг к другу и начали разворачиваться наружу. И когда притяжение стало достаточно сильным, они словно вобрались все друг в друга, а потом снова стянулись и схлопнулись внутрь, превратившись в почти незаметный сгусток энергии. Снаружи – почти ничего, а внутри целый мир, космос, галактика. Очень похоже в каком-то смысле на человека, который спит и видит сны – внешне просто человек, неподвижный, никак не проявляющийся, но в снах при этом он может целую жизнь прожить.

В мире красок было необычно, но по-своему замечательно. Вообще ведь очень много самых разных миров существует, не только похожие на мир людей. Души бывают в этих мирах, создают их, хранят в себе память о них. Люди же, когда ищут что-то необычное, часто ищут совсем не там, где следовало бы, все пытаются представить себе инопланетных жителей, нечто вонне и не подозревают, что далеко ходить не надо – все в них самих. Как говорится, все, что ты можешь представить себе, реально, и это все можно найти в мирах, которые создают души.

Мир красок для Вэи был словно непрекращающаяся медитация. В нем не чувствовалось течение времени, в нем, казалось, почти ничего не происходило. В этом мире все мысли и чувства превращались в краски, и души наблюдали за тем, какие это порождало прекрасные узоры. И только в этом наблюдении и заключался смысл – не надо было ни реагировать на это, ни что-то предпринимать, ни пытаться улучшить или исправить, а нужно было просто наблюдать за меняющимися цветом и форму узорами, словно ходишь по картинной галерее, в которой постоянно меняется экспозиция.

Души могли видеть не только свои узоры, но и узоры других душ в круге. А иногда они начинали переплетаться между собой, и так рождались новые рисунки и образы.

На этот раз Вэя сначала была просто белым светом. Через какое-то время в него стали вливаться краски светлых радужных цветов – желтый, розовый, салатный, голубой, сиреневый. Постепенно они стали темнеть, становиться ярче, цвета превращались в красный, оранжевый, зеленый, фиолетовый, синий. Краски сворачивались в спирали, завитки, текли медленно, иногда из них получалось что-то смутно узнаваемое, но они тут же снова растекались, меняли очертания и становились просто абстрактными узорами.

Это было как раз то, что происходило с Вэей – ей хотелось этого плавного движения, словно спуск по медленному течению реки, бездумный и почти бесцельный, если не считать целью отдых и расслабление.

Вэя заметила, что там, где они соприкасаются с Кёльне, они стали смешиваться.

Кёльне наслаждался миром красок, они позволяли в полной мере проявляться его чувственной художественной натуре. Он всегда выражался в очень ярких, неповторимых образах, они быстро сменяли друг друга, трансформировались один в другой и никогда не повторялись. Его самовыражение не имело границ – он мог проявляться в крупных и мелких формах, в ярких и тусклых красках, в насыщенных цветах и черно-белой гамме, в растительных и геомет-

рических узорах, в изображениях предметов, людей, животных – чего угодно, в каком угодно виде.

Сейчас он был объемным узором в необычной гамме бордовых, темно-оливковых, кремовых и темно-оранжевых тонов, это одновременно было похоже на осень, на ночь, на теплое таинственное свечение в глубине заколдованного леса, словно что-то не вполне ясное манило и звало за собой. Когда Вэя начала думать об этом, узоры на их с Кёльне границе стали соединяться. Линии переплетались, цвета смешивались, дополняли друг друга, Вэя почувствовала, что Кёльне словно грустит о чем-то немного или придумывает что-то такое, чего еще не было в его картине бытия.

Влаз был черно-белым фракталом, правда, когда Вэя всмотрелась в него, то увидела еще один цвет или скорее фактуру, вплетенную в рисунок – словно ртутные серебряные капли и жгутики, которые перекачивались и переливались, протекали вдоль линий, заполняли пространство между элементами, поблескивали, серебрились, придавали узору текучести, живости, изменчивости.

Рисунки Влаза и Вэи тоже стали сливаться и объединяться. Серебристая ртуть потекла по ярким узорам Вэи, а ее насыщенные цвета стали вливаться в черно-белый фрактал. Влаз как всегда что-то изобретал и творил и при этом присматривался к Кёльне. Самому Влазу всего хватало, и ему хотелось лишь, чтобы и брат обрел все, чего ему недостает.

Глядя на узор Флайи, Вэя понимала, почему той не нравится быть в мире красок – то, что получалось у нее, было чем-то неопределенным, непроявленным. Как правило, это было просто наполненное золотым свечением пространство, и в нем только лишь насыщенность цвета и золотых искр была слегка неоднородна – где-то темнее и искристее, а где-то светлее и почти без мерцания.

– Что со мной не так? – спрашивала Флайя. – Неужели я настолько скучная?

Вэя решительно не понимала, как такой прекрасный золотой свет может быть скучным, но самой Флайе всегда казалось этого мало. Вэе же очень нравилось, как они сливаются с Флайей – ее рисунок словно начинал светиться изнутри, а в золотое пространство самой Флайи она приносила редкие полуразмытые элементы узора. Вэе казалось, что эта их неопределенность, незаконченность, размытость в золоте придает им шарма, но Флайе и тут хотелось четкости, ясности и прорисованности вместо недосказанности, оставляющей простор для фантазии.

Самый красивый рисунок получался там, где соединялись Влаз и Кёльне. Близнецы, вроде бы такие разные, но когда они объединялись, всегда получалось что-то невероятное. Нельзя сказать, что они полностью сливались – элементы их узоров оставались прежними, но при этом из них складывался новый образ, непохожий на те, какими они были по отдельности. И если другие касались друг друга только на границах, то они постепенно объединялись почти полностью. Их рисунок двигался, менялся, в нем появлялись отдельные новые элементы, а что-то, наоборот, исчезало, и это была захватывающая и всегда новая история.

Потом Вэя снова возвращалась к себе, к своим мыслям и чувствам. В них снова проступали мысли о Шае и, конечно, о Шамуи – таком, каким она его любила. Когда они с ним попадали в мир красок, то не просто дополняли друг друга – они всегда порождали что-то новое. Они были единственные, кому удавалось действительно стать одним целым, и это всегда вызывало совершенно невероятные ощущения у обоих, да и остальные души из круга это чувствовали.

– Почему мы все не можем так объединиться? – задавался вопросом Шамуи. – Ведь мы могли бы тогда создать что-то большее вместе.

Вэя скучала по этим ощущениям, скучала по нему, по Шае, и ее рисунок снова стал меняться, краски посветлели, утратили свою яркость, стали прозрачнее, легче. Вместе с этим изменились и их общие узоры с другими душами. Нужно было сменить настрой, и Вэя поста-

ралась уловить свое вдохновение. Тона остались светлыми, но стали более яркими, а узор начал напоминать распускающиеся пышные цветы.

Мысли текли, переплетались, вместе с этим менялись узоры. Вэя не могла сказать, сколько они провели времени в мире красок, но внезапно ее словно потянуло что-то назад. Она вышла из круга, а за ней и все остальные.

– Что случилось? – чуть ли не одновременно спросили близнецы и Флайя.

Теперь Вэя чувствовала, что это Шая зовет ее.

В жизни Шаи почти одновременно произошло два события одинаковых по степени значимости, но противоположных по эмоциям – в свои десять лет Сережа, любимый белокурый ангел, получил одну из самых престижных в мире музыкальных наград за игру на скрипке, и тогда же ему поставили страшный диагноз. Врачи говорили, что вряд ли он доживет до двадцатилетнего возраста, и, скорее всего, последние два года он будет практически обездвижен.

Шая готова была объехать всех врачей мира, испробовать все, даже самые невероятные способы лечения, день и ночь молиться, приносить жертвы – что угодно, лишь бы Сережа жил, вырастал и становился великим музыкантом. И ее в полное отчаяние приводило то, как сам Сережа к этому относился:

– Бабушка, – говорил он, безмятежно глядя на нее своими безудержно голубыми глазами, – не бойся за меня, со мной все будет хорошо.

Шая не могла этого вынести, сердце просто разрывалось на части.

Вэя сразу увидела, что с ней происходит. Одно радовало, что Шая настроена была решительно – преодолеть все, справиться, хотя давалось ей это непросто. Каждый день превратился в борьбу за время. Врачи, обследования, больницы, процедуры, выступления, репетиции, гастролы и снова врачи, снова больницы...

Шая видела, как устает Сережа от репетиций, от бесконечных разъездов, как съедает его силы болезнь.

– Давай бросим это все, – предлагала она.

Но он только светил на нее своими чистыми глазами, улыбался кротко.

– Я брошу, только если ты бросишь лечить меня, – говорил в ответ.

– Никогда, – заявляла бабушка, и они продолжали бороться с болезнью и совершенствовать музыкальный талант Сережи.

К двадцати годам он успел выступить во всех самых известных концертных залах мира. Публика его обожала – белокурого, светлоокого, казалось, от него самого исходит свет. Когда же стало известно о его болезни, люди и вовсе словно сошли с ума – Сереже мешками слали письма со словами любви и поддержки, и на все его концерты билеты были раскуплены на два года вперед.

Шае было уже семьдесят пять, Ник умер три года назад, Федя и Аня давно уже принимали в жизни сына лишь самое минимальное участие. Когда у них родилась дочка, Шая воспользовалась этим и полностью взяла Сережу под свою опеку. Это случилось как раз тогда, когда стало известно о его болезни, а Сережина сестра родилась недоношенной, тоже требовала много внимания, так что родители не возражали, чтобы старший сын пожил какое-то время у бабушки. Позже так сложилось, что он так у нее и остался.

Сейчас Шаю беспокоило то, что сил у нее становилось все меньше, а Сережа по-прежнему нуждался в помощи и уходе, и вряд ли его родители могли их ему обеспечить так, как это делала она. И когда его состояние начало резко ухудшаться, Шая не могла успокоиться, ей казалось, что она что-то упустила, что еще можно и нужно что-то сделать. Винаила себя в том, что не может найти способ помочь любимому внуку, спасти его, ведь не может быть, что ему суждено уйти так рано – такому необыкновенному, светлому, талантливому.

Вэя снова вмешалась в происходящее. Шае не в чем было себя винить – просто им обоим, ей и Сержу, пришло время возвращаться в поднебесье. Лучшее, что они могли сделать, это

отпустить и дать всему случиться, и как раз Сержу это давалось легко, он вел себя так, словно всю жизнь только и готовился к этому моменту. Он любил жизнь, старался получать удовольствие от каждого ее момента, но при этом не держался ни за славу, ни за свои успехи, ни за талант, готов был отпустить все в любое мгновение.

Шае, как женщине, как бабушке любимого, ненаглядного внука, было гораздо сложнее. И ей таки пришлось увидеть, как он сделал свой последний вдох.

Вэя баюкала ее каждое мгновение, не оставляла ни на секунду. Шае тогда стало казаться, что она сходит с ума, потому что она начала говорить с Вэей. Бродила целыми днями по пустой квартире или сидела в кресле у окна и говорила с ней, говорила... И словно Вэя ей отвечала, Шая иногда отчетливо слышала ее голос, а иногда казалось, что ответы Вэи словно в мысли ей приходят, как будто возникают в голове. Шая понимала, что в этом нет ничего нормального, но ее почему-то это совершенно не беспокоило. Наоборот – голос Вэи успокаивал, умиротворял и, казалось, если она слышит ее, значит, все будет хорошо...

Через два месяца Шая закончила свое земное существование с легким сердцем. Она сделала последний вдох, закрыла глаза, и темноту стал заливать белый свет, яркий, но мягкий, в который хотелось упасть, как в облако.

Часть 2

Серж не вошел в мир с ними, но Вэя не переживала за него – значит, вернется позже. А Шая снова была в кругу, и от этого входить в мир было еще более волнительно, чем обычно.

Еще в притяжении Вэя почувствовала Шаю – перепутать это ощущение нельзя было ни с чем. От него распускались огромные цветы, в которые вплетались солнце и море, порывы свежего ветра, вкус сладких лесных ягод. Это распускалась ее любовь ко всему окружающему, и это была ни с чем не сравнимая красота. Вэя чувствовала, что и другим душам передается этот душевный подъем.

В их мире было теплое, свежее лето. Природа была очень спокойной, умиротворенной и словно каждый клейкий листочек тополя, каждая травинка, каждая пушинка одуванчика были проникнуты осознанием того, что происходит что-то особенное.

Шамуи стоял у окна их просторного деревянного дома, глядя на зелень травы и леса вдаль. Вэя подошла к нему сзади, обняла, прижалась всем телом, закрыла глаза, чувствуя, как сливаются их души в узнавании, в избавлении от долгой мучительной разлуки. Шамуи прижал ее руки к себе, потом повернулся к ней, вдыхал ее, вспоминал сладкую радость от близкого присутствия родной души.

– Быть твоей подружкой это еще более мучительно, чем быть с тобой в разных мирах, – сказал он наконец.

Вэя сжала его крепко.

– Никогда больше, никогда, – смеясь отозвалась она, – на за что! И вообще пообещай мне, что мы больше не будем жить так долго, лучше как Серж – двадцать лет и готово!

– Обещаю, – сказал Шамуи.

Наклонился к ее губам, поцеловал долгим, самозабвенным поцелуем, до мурашек, до такого острого желания, что хотелось кричать и петь одновременно. Подхватил Вэю на руки и понес наверх, в спальню, на белые прохладные простыни под порывами легкого теплого ветра, залетающего в открытые окна.

В общем мире всегда что-то мешает – обиды, нерешенные проблемы, скрип кровати, то голова болит, то слишком жарко, чтобы заниматься сексом, то неподходящее время, то нет подходящего места. В поднебесье же близость это тоже своего рода медитация, более духовный акт, чем физический, хотя и телесные ощущения при этом такие, что можно было бы навсегда возненавидеть общий мир за то, во что в нем превращается самое трепетное действие на свете.

Людам, когда они любят друг друга, хочется слиться более того, чем позволяют их тела. Для душ же нет такой границы. Они действительно сливаются не только телами, но и на более тонком уровне, душами, вибрациями. Они словно исполняют партию на двоих – слаженную, гармоничную и очень красивую по звучанию, и эта их ни на что не похожая мелодия вдохновляет и еще более усиливает наслаждение от близости.

Однако, как и в общем мире, такое возможно не с каждым, а только если ты встретил свою резонансную душу. Кто-то, кажется, и не стремился к этому, как Серж, которому достаточно было его симуляции Асланы. Влаз и Кёльне никак не могли найти те две души, которые гармонично дополнили бы их двоих. А Флайя, похоже, вообще не искала любви, предпочитала оставаться свободной и, как и Серж, придерживалась убеждения, что для духовного роста нужно не поддерживать свои привязанности, а избавляться от них, ведь только в этом случае душа может попасть в верхний мир.

– Что там, в верхнем мире? – спрашивал иногда Шамуи, когда они сидели с Вэей и Сержем тихими летними вечерами на веранде.

– Ты же знаешь, что никто не знает, – отвечал Серж. – Но говорят, там должно быть лучше, чем здесь. Не надо постоянно ходить в общий мир, чтобы повышать вибрации, а значит,

там гораздо меньше, а точнее вообще нет страданий, и ты всегда сохраняешь свою память. И еще говорят, что там ты начинаешь ощущать себя как нечто большее. То есть, с одной стороны, ты сохраняешь свое сознание, но при этом словно вбираешь тысячи других сознаний с опытом, знаниями, способностями творить и начинаешь чувствовать себя как что-то великое, могучее, способное на что угодно.

– Да, но говорят еще, что вместе с этим у тебя совершенно пропадает желание создавать что-то, – возражал Шамуи. – Зачем, если ты и так знаешь, что все можешь.

– Да, говорят такое, – соглашался Серж. – Именно поэтому, по слухам, некоторые старые души совсем не хотят подниматься выше и предпочитают оставаться в поднебесье. Так можно продолжать жить, чувствовать, творить.

– А кто-то, наоборот, утверждает, что там нет ничего, потому души и не хотят туда.

Серж смеялся, услышав такое.

– Прямо как в земной жизни, – говорил он. – Кто-то верит в рай, а кто-то говорит, что после жизни нет ничего, пустота. А в итоге кто во что верит, тот то и получает. Так что, может, нам просто стоит придумать что-то свое?

Эти разговоры никогда не заканчивались ничем определенным, но и никогда не кончались. Только одно было ясно – в общем мире они уже во все наигрались, более того, эти игры уже порядком наскучили и приносили все меньше удовлетворения и потому все чаще возникали мысли, что надо двигаться дальше. Может, только их страсть друг к другу мешает им подниматься выше? – приходила мысль Вэе и Шамуи одна на двоих. И все-таки даже несмотря на существование такой возможности, они не хотели отказываться друг от друга.

– Такое облегчение всегда, когда возвращаешься, – сказал Шамуи, когда они с Вэей лежали в постели уже просто обнявшись, но по-прежнему не отпуская друг друга ни на секунду. – Словно просыпаешься после плохого сна. Снова вспоминаешь все, понимаешь, что все было не зря, что есть что-то до начала и после конца, что есть ты сам и ты гораздо больше, чем одна человеческая жизнь.

Вэя положила голову на плечо Шамуи, руку ему на грудь, было так тепло и спокойно. Ее тоже беспокоили мысли о том, что в поднебесье они хотя и находятся больше и дольше, чем в общем мире, но все равно они не знают, что будет дальше и будет ли. Просто сейчас совсем не хотелось об этом думать. Когда Шамуи был рядом, все было хорошо, и можно было просто слушать его голос, его дыхание, биение его сердца.

– Ты заметила, что в общем мире нам становится все сложнее? – продолжил Шамуи. – Мы сами не хотим там быть, и он тоже словно выталкивает нас.

– Придется стать кем-то знаменитым, чтобы остаться в поднебесье на века, – сказала Вэя. – Или настрадаться так, чтобы хватило на многие столетия. Или и то и другое одновременно. Видишь, как у Сержа это получается? Он в этот раз просто превзошел сам себя.

– О да, смертельно больной мальчик-скрипач – виртуозно созданный образ. В этом Серж мастер, надо отдать ему должное.

Шамуи все-таки выскользнул из рук Вэи и поднялся с постели. Ей так жаль было его отпускать от себя, не насытилась еще его присутствием, им самим.

– Я вернусь, – пообещал Шамуи, как будто услышав ее мысли, – я и сам уже скучаю по тебе, но надо поесть.

И как только он умудряется слышать ее мысли, ведь Нев лишает души этой способности в их мире.

– Просто я всегда с тобой, – сказал Шамуи и улыбнулся, надевая мягкие домашние брюки.

– И как тут вообще можно хотеть есть, – сказала Вэя, – мы же в поднебесье, а не в общем мире.

– Кажется, я еще не отошел от привычек земной жизни.

Вэя любовалась Шамуи. Высокий, широкоплечий, узкие бедра, длинные ноги. Высокий лоб, благородные черты лица, темно-русые волосы волной уложены назад. Брови светлые, и их почти не видно, отчего в лице Шамуи видится что-то мистическое, неуловимое, непонятое, словно он немного не из мира людей. Его красота не романтическая, не броская, ее замечаешь, только когда начинаешь вглядываться, познавать.

В его движениях обманчивая леность и спокойствие. Кажется, ничто в мире не может ни смутить его, ни обескуражить, ни напугать. Больше всех воплощений Шамуи Вэя любила именно это, и пусть он немного изменился со временем, но все равно ей казалось, что оно полнее всего отражает его суть. Радовало и то, что Шамуи тоже любил этот образ больше всех остальных, хотя и по другим, как ему казалось, причинам – потому что в том воплощении он обрел свою мудрость, свое спокойствие и после него раскрыл свою способность создавать новое в мирах.

Вэя выглядела как обычно – хрупкая длинноногая шатенка среднего роста, красивая, с зелеными глазами и без особых примет. Она казалась себе обычной, хотя и понимала, что, пожалуй, недооценивает себя, и ее внешность скорее свидетельствует о недостатке воображения, чем страдает от нехватки привлекательности. Но Шамуи любил ее именно такой, и ее повторяющаяся во многих воплощениях внешность всегда вызывала в нем чувство узнавания с первых же секунд знакомства, поэтому Вэя не стремилась быть более оригинальной и необычной.

Единственное, что было не совсем обычно в ее внешности – она выглядела очень молодо, лет на семнадцать, как на той фотографии с Шайей на море. Шамуи по человеческим меркам можно было дать лет тридцать пять. К счастью, в поднебесье, где возраст не имел никакого практического значения, они могли позволить себе выглядеть как угодно.

Вэя завернулась в простыню и отправилась за Шамуи. В этом мире в их доме был всегда чистый пол, и Вэя шла по нему, с удовольствием ступая босыми ногами.

Все окна были без рам, просто пустые проемы, и легкий ветер гулял по комнатам и коридорам, разнося запахи лета. Легкие шторы вздымались и опадали, шелестели листвой высокие тополя. Вечерело.

– О, сегодня у нас будет ночь, – Шамуи сверкнул глазами на Вэю. – Это очень романтично. Вэя подошла к нему и снова обняла сзади, пока он нарезал ветчину, хлеб и помидоры.

– Как приятно есть и не мучиться сомнениями, зная, что твоя ветчина – это просто вкус, созданный твоим воображением, – сказал Шамуи и собрал первый бутерброд.

– Ты будешь? – спросил он Вэю.

Вэя уже собиралась отвергнуть саму идею еды в такой момент, но Шамуи опередил ее:

– О, постой-ка, я знаю, от чего ты не сможешь отказаться!

И не успела Вэя на это ответить, как на столе появилась круглая белая миска с супом, а рядом на тарелочке поджаристые круглые булочки с чесноком и зеленью.

– Это тот самый суп? – воскликнула Вэя, устремляясь к ней, чтобы наклониться и понюхать.

– Тот самый, – отозвался Шамуи, делая следующий бутерброд.

– Грибной сливочный протертый?

– Ага.

– Ой, горяченький еще, какая прелесть! Спасибо!

Вэя обхватила Шамуи за шею и хотела поцеловать. Простыня соскользнула на пол, Шамуи, воспользовавшись моментом, подхватил Вэю, посадил на стол. Они снова обвилились вокруг друг друга, Вэя оплела его руками и ногами, чувствуя кожей его обнаженный торс, и Шамуи прижимал ее к себе крепко, горячо, и они снова забыли на какое-то время о еде...

– Как думаешь, это может надоест когда-нибудь? – спросила Вэя, когда они лежали на полу, и легкий ветер овеивал их почти обнаженные тела.

– Думаю, нет, – ответил Шамуи.

– Почему?

– Мы столько веков уже вместе, не надоело же. Более того, наверняка есть такие миры, где нам будет еще лучше, чем здесь.

– Правда?

Вэя поднялась облокотившись на локоть и посмотрела на Шамуи. Уже стемнело, но она отчетливо видела его лицо, неяркие блики в карих глазах. Он притянул ее к себе одной рукой, поцеловал долгим поцелуем. Столько в этом было нежности и страсти одновременно.

– Правда.

Комната наполнилась неярким теплым светом. Суп остался таким же горячим, несмотря на то, что Шамуи и Вэя надолго отвлеклись от еды, бутерброды такими же свежими, так что поели с удовольствием.

Шамуи домывал посуду – да брось ты это, уговаривала Вэя, тут можно этого не делать, но это же приятно, возражал Шамуи, заниматься такой необременительной рутинной, – когда на пороге их дома возник гость, а точнее гостья. Мягкий теплый свет, заливавший комнату, стал поярче.

– Аслана? – удивленно сказала Вэя.

Серж вернулся? Почему они не почувствовали этого?

Аслана была его творением, поэтому не могла существовать в мире, в котором его не было.

И тут Шамуи понял, в чем дело.

– Нев, это ты?

– Я, – ответила Аслана.

В создаваемых мирах души могли принимать какое угодно обличье. Чаще они использовали полюбившиеся образы, хотя по настроению могли менять свой облик. Однако души всегда можно было узнать по некоему ощущению, которое они вызывали и которое всегда оставалось одинаковым, вне зависимости от того, как выглядели их тела. Все равно что пользователь в общем мире меняет разные аватарки, но при этом его ник остается одним и тем же, и по нему его всегда можно узнать.

Только сейчас Вэя обратила внимание, что Аслана вызывает то же чувство, что и Нев – ощущение отсутствия, как некое смутное, размытое пятно, на котором невозможно сфокусироваться. Но вот что интересно – Аслана и раньше чувствовалась так же. Вэя не придавала этому значения, было не особо интересно вдаваться в оттенки ощущений, которые вызывала воображаемая подружка Сержа. Но если в Аслане было это и раньше, значит, она и тогда была не просто плодом воображения? А Серж знал об этом? И что будет, если он не знал, но узнает, что Нев изображал его подружку?

Вэя ощутила порыв заглянуть в сознание Нева, чтобы найти ответы на свои вопросы, и чуть ли не впервые пожалела, что он лишил ее этой возможности.

– Я расскажу, – сказала Аслана, словно отвечая на ее мысли. – За этим и пришла.

– Так ты все-таки Аслана или Нев? – спросила Вэя.

– Тебя интересуют, мужчина я или женщина?

Вэя пожала плечами. В их мире это было не так важно, не имело принципиального значения, просто хотелось разобраться в ситуации.

– Чаю? – спросил Шамуи, чтобы разрядить обстановку.

Не дожидаясь ответа, он направился к кухонному столу. Тут же на нем появился и включился чайник, уютно зашумев при нагревании, Шамуи застучал блюдцами и чашками, зашуршал разрываемой упаковкой чая. На столе перед Вэей и Асланой появились разноцветные подсвечники, и в них вспыхнули сами собой, зажглись свечи, добавляя уюта мягкому электри-

ческому свету и теплomu, медовому оттенку дерева, из которого был сделан дом и почти все в нем.

Когда Шамуи поставил перед ними чашки с чаем и сам тоже сел за стол, в дом с веранды, лениво переваливаясь с лапы на лапу, зашла тигрица Мока и развалилась на полу в кухонной зоне, где они сидели за столом. Быстрее бы возвращался Серж, подумала Вэя, с тигренком было бы еще лучше.

Как будто услышав ее мысли, Шамуи незаметно повел рукой, и на мягкое сидение углового дивана, на котором сидела Вэя, вскочил кот. Потоптался рядом с ней, устраиваясь, и привалился к ее ноге, задремал.

Вэя провела рукой по его гладкой шелковой макушке и спинке, посмотрела на Шамуи. Он улыбнулся.

– Если появилась Мока, значит, ты заскучала по кошкам.

И правда, не обязательно обладать способностью читать мысли, чтобы угадывать друг друга.

Теперь они оба обратились к Аслане.

– Так что же у вас произошло? – спросил Шамуи.

– Вы мало знаете обо мне, Серж ведь не рассказывал, я просила его об этом. Вообще это долгая история...

– Мы совершенно никуда не спешим, – уверил ее Шамуи.

Он так и сидел за столом с голым торсом. Приятно было не обращать внимания на обычные человеческие условности, правила этикета. Приятно не переживать из-за ревности. Вэя одергивала себя, чтобы не смотреть на Шамуи слишком долго. Шамуи ступней нашел под столом босую ногу Вэи, погладил, и она откликнулась на это прикосновение.

– Я слышала, что вы хотите подниматься выше, – сказала Аслана. – И, может быть, я могу помочь.

А ведь точно, подумала Вэя, ведь Нев на ее памяти вообще ни разу не ходил в общий мир. Может, он знает что-то, чего не знают они?

– И мне нужна ваша помощь, – добавила Аслана, – хочу, чтобы вы помогли мне стать Асланой. Не так, – поспешила уточнить она, увидев вопрос на лицах Шамуи и Вэи, – а настоящему.

Она помолчала.

Только сейчас Вэя впервые почувствовала ее, будто размытое пятно начало становиться более отчетливым. А в следующее мгновение Аслана и правда словно маску сняла, и на Вэю обрушилось новое ощущение души, которая предстала перед ними – такой, какой она была на самом деле.

Словно над полем, поросшим ковылем, стелется ветер, пасмурное небо, силуэты серых гор на горизонте. Посреди поля фигура человека. И вдруг издали начинает нарастать грохот, пока не становится ясно, что это топот тысячи копыт. Через поле несется галопом табун гнедых лошадей – сильных, красивых, холеных. Они несутся прямо на человека, и гнедой смерч поглощает его, скрывает, уничтожает, невозможно выдержать его напор и мощь.

Но проходит время, и табун начинает удаляться, грохот стихает. И оказывается, что человек по-прежнему стоит посреди поля, целый и невредимый. У человека белокурая голова, тонкие длинные пальцы. Гнедая сила никогда не тронет его – обойдет, сбережет, защитит.

– Ты любишь его? – спросила Вэя Аслану.

– Да, – сказала она.

– Когда это началось? И почему Серж не знает?

Вэя заметила, что Аслана стала выглядеть по-другому.

– Это была маска Влаза? – спросила Вэя.

Аслана подтвердила.

Влаз мог, грубо говоря, скрывать ник, то есть делать душу неузнаваемой. Этим Нев и пользовался, чтобы Серж не мог узнать его в Аслане. И хотя Нев и сам умел маскироваться, не зря он создавал такое впечатление при контакте и назывался Невидимкой, но при близком общении, конечно, Серж заподозрил бы неладное.

И все-таки Вэя так и не могла понять, зачем Неву все это понадобилось. Они с Шамуи снова приготовились слушать Аслану, но пришлось прерваться.

– Серж идет, – сказала Аслана. – Я впущу его, позже поговорим.

Когда Шамуи был в мире, Нев мог быть привратником, то есть он принимал в круг души, и при этом остальным не приходилось выходить из мира. Нев чувствовал, когда кто-то начинал к ним стучаться, и вбирал их в мир.

Серж пришел не один. С ним в дом вошла молодая душа, которую они создали вместе с Шамуи в последнем воплощении.

– Знакомьтесь, это Эная, – сказал Серж, представляя ее Вэе и Шамуи.

Неву пришлось уйти. А Эная оказалась высокой и рыжеволосой, немного нескладной, неловкой, как будто ей не совсем удобно было в ее теле. Хотя вполне возможно, что так оно и было, потому что, как оказалось, молодая душа зародилась в скрипке, той самой, которую Серж практически не выпускал из рук в своем последнем воплощении. Она была с ним на всех концертах, на всех репетициях, а подарила ему ее когда-то Шая, специально заказывала эту скрипку у лучших мастеров и лично ездила забирать ее в Германию. Так что в эту скрипку вложили душу так много людей, начиная от мастеров, которые ее создали, и заканчивая Сержем и его слушателями, которые боготворили его и его музыкальный инструмент, и неудивительно, что в итоге эта энергия набрала силу и в ней зародилось сознание.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.